

Максу Васюку, который так и не дочитал эту пьесу
Уле Фомичёвой, хорошему человеку
Ксюше Фоминой, которая сегодня появилась на свет

Прекрасное далёко

Грустная утопия в двух частях

- А что будет дальше?
- В смысле – дальше?
- Ну вот, например, через год, через два года, через десять?
- То же и будет.
- И через сто будет?
- И через сто. И через тысячу. А дальше – посмотрим.
- А ты сколько здесь?
- Не знаю... Время тут не посчитать. Все часы останавливаются.
- А что, у кого-то часы есть?
- Ну, пробовали сделать. Часовщиков здесь много. Люди тихие, аккуратные. А вообще, не нужно оно здесь, это время. Мужика недавно встретил, испытателя бывшего. Он на Свободе испытывал скафандр космический. Представь себе: камера научная, он подвешен, вроде как в невесомости, еду ему через трубочки подают. И вот пять суток он не двигался. И ощущение времени очень быстро потерял. Так вот, тут то же самое.
- А не скучно?
- Жить можно.
- Жить?
- Ну я не знаю тогда, как это называется. Многие пытались слово придумать, чтобы в точку. Не получается как-то.

Действующие лица

Маруся
Тетя Таня
Саныч
Серега
Тоха
Вася

Первое действие

ЛЕСОПОВАЛ

Серега. Перекур!

Тоха. Слушай, ну не мучай меня этим словом!

Серега. Прости, забыл. Я сам-то, кстати, не курил. Просто слово хорошее.

Тоха. А я табачок на Свободе ох как любил... Говорили, курить – вредно. А мне нравилось. Просто нравилось.

Серега. Саныч, а правда, что у индейцев табак растет?

Саныч. Растет.

Тоха. Серег, а откуда это все он знает?

Серега. А Саныч путешественником был на Свободе. Он из своей жизни сколько-то лет прожил у нас, сколько-то – у китаезов, сколько-то у ирландцев каких-то. И на полюсе Северном был, и в Африке, где не был только... Искал.

Тоха. Саныч, а ты что искал?

Саныч. Не твое дело.

Тоха. Ну а дальше?

Серега. А дальше очень долго не знал Саныч, куда податься. Веры никакой не принял, дома не построил, дерева не посадил, детей не оставил. И получилось, он так дальше и путешествует. Хочет – у немцев-католиков он

за своего, хочет – вместе с буддистами ошивается, хочет – к правоверным в гости наведается. Тропки эти только он знает. А так в основном здесь...

Тоха. А почему здесь?

Сергеа. Хорошо здесь. Тихо здесь.

Тоха. Саныч, это правда?

Саныч. Нет, вранье.

Тоха. Саныч, притарань мне табачку от индейцев, а? Табачку золотистого стрась как покурить хочется. Или семян табачных. Посажу, выращу, покурим. А то я где ни искал, ни фи́га не растет. А листья кленовые и иголки курить не хочется. Сделаешь, Саныч?

Саныч. Перебьешься.

Маруся. Здравствуйте, мужчины!

Тоха. Ой, девчонки, здрасьте. Что у нас на обед нынче?

Тетя Таня. А что, плохо кормили когда?

Тоха. Ух, больше всего на свете люблю картошку вареную. С маслом. С овощем каким-нибудь.

Сергеа. Выпить бы под это дело.

Маруся. А я слыхала, что самогоночка где-то в окрестностях появилась.

Тетя Таня. Да, я тут видела одного. Летит, орел, выхлоп за версту. Счастливый, довольный, ничего не надо больше. Глаза залил, олух... Увижу в следующий раз – поговорю, может, нацедит чего.

Тоха. Саныч, ты табачку мне притаранишь?

Саныч. Отвяжись.

Сергеа. Да замучил ты уже со своим табаком.

Тоха. Эх, Саныч, Саныч... Убиваешь ты меня буквально, Саныч.

Сергеа. Девчонки, что делать-то вечером будем?

Тетя Таня. Да то же, что и вчера. Главное, гитару настрой, а то она совсем расстроенная.

Маруся. Хорошо здесь. Тихо здесь.

Сергея. Ну это ненадолго. Ударим пилой и лопатой по хвойным насаждениям!

Маруся. Зима холодная в этом году выдалась.

Сергея. Если сегодня так же, как вчера, валить будет, засыплет совсем.

Тоха. Ох, Маруся, какая ж ты все-таки красивая.

Маруся. Ты ешь давай. Кому Маруся, а кому Марья Ивановна.

Тоха. Да ем я, ем... Вкусно очень. Только табачку бы еще...

Сергея. Саныч, расскажи чего-нибудь.

Саныч. Да что рассказать-то?

Тоха. Страшное что-нибудь.

Саныч. Не буду страшное.

Сергея. Ну грустное что-нибудь расскажи.

Саныч. Грустное могу. Работали мы как-то на сплаве с парнем одним, ну, давно это было. У него на Свободе девушка оставалась. Он ее на мотоцикле вез, в аварию попали. Он – сюда. Она – в больнице. Инвалидка по жизни. С головой что-то случилось. И беспокойно парню этому было. Все по ночам ходил-бродил. Мучался. Просыпаемся как-то – его нет. И записка: «Я ушел на Свободу. Прощайте»...

Потом встретил я его через долгое-долгое время. На Свободу он, конечно, не дошел. Но затих вроде. Как-то раз вижу – сидит и смеется беззвучно. Сильно прямо надрывается. Спрашиваю: «Что с тобой?» А он наклоняется ко мне и говорит тихо: «Я только сейчас все понял. Ей там, хоть она и инвалидка по жизни, лучше, чем мне здесь. Ждал ее. Встретить хотел. А понял, что точно не встретимся. Никогда. Здесь человек самому себе предоставлен, никто его тут не беспокоит, никто ему не мешает. Только, знаешь, я с этим не согласен». Сказал это – и замолчал. Обет молчания дал. И никогда больше ни с кем не разговаривал.

Тоха. Тоскливая история, Саныч...

Сергея. Да так даже лучше. Так он еще долго продержится, Саныч.

Маруся. Эх, а у меня жених такой был... На черном аккордеоне играл... Не помню его, правда, виделись редко.

Тетя Таня. Да кто тут кого помнит! Фотокарточек-то с собой не взять. Только в памяти что-то такое сидит, расплывчатое и теплое.

Маруся. Ну ладно, мужчины, что-то засиделись мы. Поели, поговорили – и ладненько. Вы работайте, а мы полетели.

Сергея. Слушай, может, вам пешком лучше пройтись? Темнеет уже. Снег, того и гляди, пойдет, мало ли буран какой поднимется. Ищи вас потом с огнями.

Саныч. Да не бойсь. Наши девчонки как хошь, но до дома доберутся.

Маруся. Ну, счастливо, мужчины. До вечера.

Взлетают.

Тоха. Счастливого приземления!

ДОМА

Вечер. Дома. Все сидят и поют под гитару хорошую какую-нибудь песню, например «...Для кого-то просто летняя погода, а кому-то проводы любви...».
Стук в дверь.

Маруся. Входите! Не заперто!

Вася. Здравствуйте! Это... даже не знаю, как сказать, как начать... в общем, мне, наверное, к вам. Хотелось куда-нибудь подальше. Вот, видимо, у вас это самое «куда-нибудь подальше» и есть. В лесу, неподалеку от дома, оказался. Еле добрался. Снегопад у вас тут такой. Пустите?

Маруся. Пустим, конечно.

Тетя Таня. Ты надолго тут обосноваться собираешься?

Вася. Не знаю пока.

Тоха. Слушай, я тебя знаю. Ты не с Поволжья?

Вася. Из Москвы я. Незнакомы мы с тобой. Ну так что, пустите?

Саныч. Живи. Мы новому человеку всегда рады. Понравится – дом поможем построить.

Тетя Таня. Заселяйся вон в тот угол. Там тебе и лавка есть поспать, и стол с тумбочкой для вещей. Живи, в общем.

Вася. Спасибо.

Серегга. Ну давай знакомиться тогда!

Вася. А... меня Васей зовут.

Маруся. Ну, будем знакомы, Вася.

Серегга. Серегга.

Тоха. Тоха.

Саныч. Сан Саныч.

Маруся. Марья Ивановна.

Тетя Таня. Можешь звать тетей Таней.

Вася. Погодите, так вы что, все – ангелы?

Тетя Таня. А ты как думал?

Маруся. Ангелы мы.

Тетя Таня. А жизнь здесь, Вася, хорошая.

Маруся. Хорошо здесь. Тихо здесь.

Саныч. Бабы, ша! Что за курятник развели? Человеку надо согреться с дороги, чаю налить, баню истопить, ужин, а уж потом рассказывать да расспрашивать.

Тетя Таня. Саныч, не команду!

Маруся. Вась, ты его не слушай, это он так, авторитетным себя считает. С какими-то африканцами еще общается, улетает иногда очень надолго, к немцам каким-то там, индейцам...

Тоха. Саныч, табачку привези, а?

Саньч очень строго смотрит на Тоху, потом на Машу с тетей Таней. Пауза.

Саньч. Бабы, ша! Что за разврат тут творится, я не понимаю! Быстро крылья в ноги и чаю! Человек должен с мороза чаю попить, нутро согреть, в спокойствии все прочувствовать! Ну-ка быстро!

Маруся. Саньч, не ругайся. Вась, видишь, он такой.

Тетя Таня. Самовар иди раздувай, молодуха. Я за вареньем в погреб пока слазаю.

Саньч. Ну... Летать-то научился уже?

Вася. Да нет пока. Падаю все время.

Серегя. Ну это по первости у всех.

Тоха. Я вон только недавно ушибаться перестал.

Саньч. Серегя у нас летун знатный, научит.

Серегя. Ну а Саньч всяких нюансов посоветует.

Тоха. Что умеешь делать?

Вася. Ну вообще-то я программист...

Серегя. Это нам без толку.

Саньч. Я ни одного компьютера даже не успел увидеть.

Тоха. У тебя сигарет с собой случайно нет?

Саньч. Цыц. (Васе) Бесплезное умение. Что еще умеешь?

Вася. Телевизор собрать могу.

Саньч. Тоже совершенно бессмысленный предмет.

Серегя. А я любил в кино ходить.

Тоха. Ну а я вообще все детство у телика просидел.

Саньч. Все равно у нас электричества нету. Да и деталей я что-то тут не видел. Что еще умеешь?

Пауза. Вася молчит.

Саньч. Погоди, мы ж не о том спрашиваем. Нам твои хозяйственные навыки не нужны. Чему захочешь – нау-

чишься, чему не захочешь – не научишься. Человек должен себе по душе дело выбирать. Ты что-нибудь особое умеешь?

Тоха. Я вот, например, на звезды смотреть умею. А Саныч – за табаком летать.

Саныч. Слушай, ну хватит уже. Вась, что умеешь-то?

Вася. На гитаре играть умею.

Саныч. Вот, совсем другое дело. Гитара у нас есть.

Сергеа. Хорошая. Даже струны железные.

Тоха. Песен много знаешь? А то Сергеа только четыре песни знает, надоело уже.

Сергеа. Да ладно, я сочиню сам когда-нибудь.

Вася. Много песен знаю. А что не помню – постараюсь вспомнить.

Возвращаются Маруся и тетя Таня.

Маруся. Самовар раздула. Шишек накидала много. От шишек вода вкуснее становится. Сергеа, у тебя валенки совсем прохудились, дырявые.

Сергеа. Ничего, зато летом прохладно в них будет.

Маруся. Взял бы да зашил.

Сергеа. Не понимаешь ты, Маруся, про любовь ничего.

Тетя Таня. Вася, ты какое варенье больше любишь – земляничное или черничное?

Вася. Не знаю...

Тетя Таня. Я тогда оба поставлю.

Тоха. Вась, а ты курил на Свободе?

Вася. На какой Свободе?

Тоха. Ну, Там, в смысле. Мы то, что было, Свободой называем.

Вася. Так а разве не здесь Свобода?

Сергеа. Вась, ну какая тут Свобода?

Маруся. Хорошо здесь, тихо здесь.

Вася. А что вокруг?

Маруся. Мир огромный, еще больше, чем Свобода, всем места хватит.

Тоха. Здесь поэтому и не воюет никто.

Тетя Таня. Потому что тут всем места хватает. И вообще, всего хватает. Хочешь – в лесу, как мы. Хочешь – на юге, где потеплее. Тут всюду каждому место есть.

Вася. Слушайте, а вы сами-то давно здесь?

Тетя Таня. Давно, Вась. Я, например, еще в блокаду ленинградскую сюда отправилась. Уж и считать-то перестала.

Саньч. В общем, так. Самый древний тут я. Потом Маруся приبلудилась. Потом Серега. Потом тетя Таня. Тоха совсем недавно здесь, ну и вот ты теперь. Тут много ребят разных побывать успело. Поживут – и летят дальше, мож, где лучше. А нам и так нравится.

Маруся. Хорошо здесь. Тихо здесь.

Тоха. Только табаку совсем нет.

Саньч. А Свобода, Вась, она там была. Тут-то какая Свобода? Хозяйничаем – и хозяйничаем. Чай пьем. Песни иногда вечерами поем.

Маруся. Сыграй что-нибудь, Вася.

Саньч. Самовар неси.

Тоха. Сыграй, Вася.

Тетя Таня. Играй, Вася.

Вася. Что играть?

Саньч. Что хочешь играй, Вася.

Вася берет гитару, подстраивает.

Вася. «Слышу голос из прекрасного далека.
Голос утренний в серебряной росе
Слышу голос, и манящая дорога
Кружит голову, как в детстве карусель...»

ПОЛЕ

Сергеа. Саныч сказал – «Сергеа, научи» – Сергеа научит. Значит, так! Стой там и слушай меня. Разбегаешься, прыгаешь. Мышцы крыльев напряги обязательно. И двигать ими начинай. Так... ну что, готов? Хорошо! Давай, побежал! Что значит – боюсь? Стремно?! Не понимаю таких слов! Давай, пошел, три-четыре! Так, хорошо, хорошо... Давай, разбег! Колена выше! Двигаем, двигаем! Маши, маши! Да не руками! Прыгаешь и мышцы крыльев напрягай! Ай, ужас! Что ты падаешь-то?..

Давай, возвращаемся обратно. Так, стоп, никаких мне тут! Ангел должен летать. Пока не научишься – ты не ангел, а пингвин! Так, смотри, когда еще раз побежишь, надо не руками махать, а крыльями! Как ими махать? А я, думаешь, знаю? Это как велосипед – сел и поехал! И больше учиться не надо! Так, готов? Ну, три-четыре! Спину держим ровно, улыбаемся! Колени поднимай! Прыгай! Прыгай, я кому сказал! Да что ж ты делаешь?! Ай... Возвращаемся. Возвращаемся, я сказал! Не спорить! Саныч сказал: «Сергеа, научи», – Сергеа научит. Нога болит? Слушай, вылупиться еще не успел, а уже врет. У нас вообще ничего никогда не болит. У нас стальная воля, стальные нервы и стальные крылья.

Так, все, соберись, переведи дух. Закрой глаза. Представь себе, что ты – птица. Чайка, например. Или журавль. И вот ты разбегаешься, и тебя к небу тянет, тебе хочется лететь. Небо зовет, оно ждет тебя. Когда будешь готов к полету, открой глаза и беги. Сам! Да, без моей команды! Да, я жду... Соберись! Возбуди фантазию! Ну?! Ты что встал-то? Давай, беги! Беги, говорю! Ну! Ну! Пошел! Эх, жалость... Что ж делать-то с тобой, олух! Олух ты, говорю! Так, никто не ругается! Ангелы не ругаются, говорю!

Олух – это не ругательное! Так! Если бы было ругательным, я бы его не говорил!

Саныч сказал: «Сергеа, научи», – Сергеа научит. Вернись, очень тебя прошу. Пожалуйста. Ради меня. Последний раз за сегодня пробуем. Ну, удачи! Хорошо начал! Просто отлично! Очень ровно идешь! Теперь беги уже, иначе не успеешь! Разгоняйся! Ну, уже все очень хорошо. Можешь уже начинать двигаться. Да беги! Беги, я сказал! Беги! Да! Отчаянно! Со всей дури! Горжусь тобой! Так... Саныч! Саныч!

Саныч. Ну что, летун? Научил?

Сергеа. Ну почти что. Где-то от земли он отрывался. По-моему. Но не понимает чего-то...

Саныч. Лентяй ты потому что. Надо так учить – поднимаешь, высоко-высоко взлетаешь и отпускаешь. Ему все равно ничего не будет. Давай, иди к нему, а то он что-то совсем загрустил. А я покричу. Так! Ну, быстрее давай! Вася, ты его больше не слушай, ты меня слушай. Держись за него. Сергеа, давай, взлетай уже. Да не тяжелый он! Все в порядке! Ну, напрягись! Так, взлетай! Выше, выше! Еще... Так, стоп, хватит! Отпускай! Чего? Не можешь? Ах, он? Вася, отпусти его! Вася, отпускай! Вася, пожалуйста! Сергеа, да держись ты! Да не тяжелый он! Сережа, держись. Держись, Сережа! Вася, руки разожми, пожалуйста. Сережа, держ... Эх, Сережа, Сережа...

Улетает.

РАЗГОВОРЫ

Маруся. Тетя Таня, а что такое любовь?

Тетя Таня. Любовь... Любовь – это когда другому человеку хорошо от того, что тебе хорошо.

Маруся. А ты на Свободе любила кого-нибудь?

Тетя Таня. Любила. Очень.

Маруся. Мужчину?

Тетя Таня. Мужчину. Да еще какого мужчину. Всем мужчинам был мужчина. Любила его – страсть как!

Маруся. Храбрый? Честный? Добрый?

Тетя Таня. Очень храбрый. Очень честный. И очень добрый. Мы все его очень любили.

Маруся. Как это – все?

Тетя Таня. Ну, с подружками соберемся, бывало, смотрим на его портрет и очень нам хорошо. У нас его портрет на столике прямо в общезитии стоял.

Маруся. А он кого любил?

Тетя Таня. Он жену свою любил.

Маруся. Так он женатый был?

Тетя Таня. Всю жизнь.

Маруся. Так он же вас любил? Получается – он жене изменял?

Тетя Таня. Не изменял. Он нас просто любил.

Маруся. Так это разве не измена – кого-то другого любить?

Тетя Таня. Не знаю. Он много кого любил. Жаль, со Свободы рано ушел.

Маруся. А звали его как?

Тетя Таня. Ленин.

Маруся. Молодой был?

Тетя Таня. Да нет. Но он и после того, как ушел, нас любить не перестал. С портрета смотрел и любил.

Маруся. Подвиги какие-то совершал?

Тетя Таня. Конечно! Он мастер на все руки был. И плотник, и электрик, и поэт. Художником был замечательным. Вот мы его и любили.

Маруся. Погоди, а муж у тебя был? Мужа ты разве не любила?

Тетя Таня. Это, Маруся, не любовью называется. Это как-то по-другому называется.

Маруся. А как называется?

Тетя Таня. Нету этому названия. Говорят, что это тоже любовь, но никакая это не любовь. Это другое что-то... Погоди, так ведь и у тебя жених был.

Маруся. Дак я замужем побыть-то и не успела. Ходил мимо окошка красивый какой-то мужчина. А я ему из окошка подмигивала. Ну вроде как жених и был. А потом, когда мои родители нам жениться не разрешили, он ночью меня в овин вывел и ножиком очень больно пырнул. До смерти.

Тетя Таня. За что?

Маруся. Любил сильно, наверное, или, как ты сказала, по-другому которое называется... И не хотел, чтобы меня кто-то другой любил. Ты же сама сказала – любить, это хотеть, чтобы человеку хорошо было.

Тетя Таня. Вот глупая. А тебе разве от этого хорошо?

Маруся. Ну мне же сейчас тут хорошо. Значит, он хотел, чтобы мне было хорошо.

Тетя Таня. Глупая, глупая ты, Марусяка. Узнать-то ничего толком и не успела. Никогда тебе лучше, чем там, не будет. Там Свобода.

Маруся. А что такое – эта Свобода?

Тетя Таня. Не знаю. Есть такие слова, которые словами не объяснить. И специального слова для этих слов тоже не придумать.

Вася. Саныч, я ничего не понимаю.

Саныч. Ну давай погугарим, летун. Что непонятно?

Вася. Ну ничего же не изменилось. Крылья есть, конечно, но тут же все, как и было. Дом как дом, деревня как деревня. Кажется, что пройти километров пять – будет автобусная остановка. И до райцентра.

Саньч. Вот уже неправильно. Какой может быть у рая центр? У рая нет центра. А ты – рай-центр... И автобусов у нас нет.

Вася. Ну я ж не в этом смысле. Я к тому, что тут все, как там, на земле...

Саньч. На Свободе.

Вася. На Свободе. Ну ничего ж не поменялось. Дом обычный, лавка, дрова рубим...

Саньч. Тебе не нравится?

Вася. Нравится. Но куда жить-то? Вот на земле... на Свободе то есть, было понятно – живешь, работаешь. И понимаешь – рано или поздно что-то еще будет...

Саньч. Вот поэтому мы то, что на земле было, Свободой и называем. Здесь же тоже земля. Хорошая земля. Плодородная. Только на той земле ты чего-то ждал, а тут не ждешь. Или не знаешь, чего ждать. Я на народ здешний смотрел – может, произойдет что-нибудь с кем-то. А не происходит. Вот с тех пор и живу. Летаю туда-сюда.

Вася. А как это получается у тебя, Саньч?

Саньч. Не знаю. Хочу – и летаю.

Вася. А у меня не получится?

Саньч. Ты крыльями двигать сначала научись, а там посмотрим.

Вася. А убежать отсюда нельзя?

Саньч. Куда убежать?

Вася. Куда-нибудь.

Саньч. Куда хочешь – туда и убегай. Тут места много.

Вася. Нет, а на Свободу?

Саньч. Нельзя.

Вася. А ты пробовал?

Саньч. А как попробовать? Куда? Тут над головой такое же небо. А за ним такой же космос – огромный, большой. Был тут один товарищ. Все не устраивало его тут. Собрал толпу народа, говорит: «Я понял! Мы на другой

планете! Я – бывший астроном – выведу вас на Свободу через небо, по звездам. Кто со мной?» Много народу с ним подорвалось. Собрались, еды какой-то запасли – и в небо.

Вася. Долетели?

Саньч. Долго лететь-то было. Холодно там – это во-первых. Еда закончилась – это во-вторых. Хоть ангел умереть и не может, а в голоде да холоде по космосу лететь – это, знаешь, долго не выдержишь. Некоторые, как в космосе оказались, сразу же обратно развернулись. Страшно там, темно. И в ушах звук этот все время... Ну да ладно. Остальные дальше полетели. Через некоторое время еще часть откололась. Вернулись. А те, кто остались, дальше полетели.

Вася. Долетели?

Саньч. Не думаю. Свобода – она же не в космосе. Она там, где тебе да мне уже никогда не побывать.

Вася. Так что же, те ангелы в космосе теперь летают?

Саньч. Летают, наверное. Если в рассудке еще остались. Ангел – он ведь тож не железный, рассудком вполне может повредиться.

Вася. Саньч, а ты в Бога веришь?

Саньч. Нет. Бога нет.

Улетает.

Тоха. Серега, ты гляди!

Серега. Что такое?

Тоха. Гляди, что есть!

Серега. Ну, семена какие-то зеленые...

Тоха. Это знаешь что?

Серега. Что?

Тоха. Это дурь лютая! Соображаешь? Только сейчас вспомнил!

Сергеа. Что вспомнил?

Тоха. Ну, понимаешь, у нас на Свободе старшина был очень строгий. Если кого пьяного или накуренного обнаруживал, изводил нарядами. Проверки все время. А какой солдатик без ста грамм и папироски зеленой? Вот и прятали по-хитрому. Так ты представь – я только сейчас нычку свою нашел. На Свободе хорошо спрятал. Проросла. Парник делать буду. Сажать буду. Выращивать буду. Курить будем.

Сергеа. Тоха! Ты когда успокоишься вообще?

Тоха. Не успокоюсь я. Я пока вкусно не покурю, успокоиться не смогу. Меня из-за курева пришибло. Поэтому я и тут курить должен. Саныч не хочет табачку притаранить, так я дурь буду курить. В облака забираться буду, туман пущать.

Сергеа. Как это – из-за курева пришибло?

Тоха. А нам в свое время на пост табачку хорошего солдатики дембельнутые попуткой закинули. У них сигарет много было – что с собой-то обратно волочь? Такие крепкие-крепкие сигареты без фильтра. С буквами французскими. И вот пошел я вечером на звезды смотреть, курить красиво. Все говорили – прикрывай огонек рукой, снайпер может сбить. И я всегда прикрывал. А в этот раз задумался и не прикрыл.

Сергеа. А ты с кем воевал?

Тоха. А не знаю... Нам сказать забыли, а мы спрашивать не стали...

Сергеа. А ты зачем на войну пошел?

Тоха. Ну, сказали... Я и пошел.

Сергеа. Зачем пошел?

Тоха. Ну, сказали, не понимаешь, что ли?

Сергеа. Не понимаю. Ты туда хотел идти?

Тоха. Не хотел.

Сергеа. А зачем пошел?

Тоха. Ну, сказали.

Сергеа. Кто сказал?

Тоха. Дядьки какие-то. Ну, после школы в военкомат вызвали, говорят: «Иди служить». Я и пошел. Ну подумал, люди же на смерть-то не пошлют.

Сергеа. Так ты же здесь. Значит, на смерть послали.

Тоха. Я ж тебе и говорю: я огонек рукой забыл прикрыть. Меня и убили. Понимаешь? Сам виноват. Понимаешь? Не надо было курить на открытом воздухе. Понимаешь?

Сергеа. Не понимаю.

Тоха. Глупый ты какой, Сергеа...

Сергеа. А кто тебя убил-то?

Тоха. Враги какие-то.

Сергеа. А ты им что сделал?

Тоха. Ничего.

Сергеа. Так зачем они тебя убили?

Тоха. Огонек рукой не прикрыл.

Сергеа. А за это убивают?

Тоха. Ну, меня же убили.

Сергеа. За огонек?

Тоха. За огонек.

Сергеа. Дураки.

Тоха. Нет, они как раз молодцы. Это я – дурак.

Сергеа. Да, ты – дурак.

Тоха. Сам ты дурак.

Сергеа. Ты же сам только что сказал, что ты – дурак.

Тоха. Я – дурак?

Сергеа. Ты дурак.

Тоха. Саныч! Саныч!

Появляется Саныч.

А он меня дураком обозвал!

Саньч. Дураки.

Улетает.

Пауза.

Тоха. Ну что, пойдём дурь сажать?

Серегга. Пойдем, раз дураки, что ж еще делать-то...

Тоха. Парник?

Серегга. Парник...

Уходят.

ПИСЬМА

Саньч. Совершенно точно знаю, что не долетит.

Тоха. Саньч, прекрати. Вася, читай!

Вася. Дорогая мама! Пишу тебе в надежде, что ты получишь это письмо. Пишу тебе, мама, из рая. Хотя я рай и не таким себе представлял. Живем мы здесь дружно. Летать, правда, я пока еще не научился. Но, наверное, скоро научусь, хотя Серегга, например, уже отчаялся. Говорит, что я дефективный.

Тут в округе почтальон завелся. Летает с сумкой почтальонской, говорит, что долетит до Свободы и все письма передаст. Саньч, правда, говорит, что это очередной сумасшедший и письма писать отказался наотрез, но я пишу: мало ли – вдруг действительно долетит?

Мама, дорогая мама. Я по тебе скучаю очень, мама. И по Сашке скучаю. Мне без нее очень плохо. Скажи ей, что я никогда ее не забуду.

Мне очень плохо. Забери меня отсюда, мама. Ты же все можешь. Ты же мне всегда помогала. Помоги.

Всегда твой.

Вася, ангел.

Сергеа. Вась, ты зря так расстраиваешься. Тут расстраивайся, не расстраивайся – ничего не поможет.

Саньч. Совершенно точно говорю – не получится у вас ничего.

Тоха. Дорогая Нина! Я долго думал, кому написать, и решил, что напишу тебе. Потому что боюсь, что ты паришься. Нин, ты не парься. У меня все нормально, Нин. Тут почта-льон у нас один объявился. Говорит, что письма на Свободу передаст. Саньч, правда, говорит, что не дойдет.

Нин, ты не думай, я о тебе не забыл. Ты знаешь, я тут все время вспоминаю, как мы с тобой по улицам вечером гуляли. Ходили, и я все думал, как тебя поцеловать, а ты думала, как сделать так, чтоб я тебя поцеловал. Но вот почему-то не поцеловалось. Почему – не знаю. Глупость какая-то, в общем. Сергеа меня правильно дураком считает.

Я очень часто думаю, Нин, что, вот если бы мог я как-то все заново прожить, я бы с тобой гораздо больше целовался, чем целовался вот до того, как тут оказался. То есть я вообще с тобой не целовался, это я себе представляю так иногда. Потому что это же так здорово – целоваться! Потому что тут чего-то про поцелуи думать не очень получается. Тут вообще-то о бабах не очень думается. Не знаю почему. Прости, баба – это не ты, это я в принципе так пишу о женском населении.

Вкратце о себе: летать научился, чувствую себя нормально, занимаюсь агрономией. Парники научился делать. Выращиваю овощи.

Всегда твой.

Тоха, ангел-фигангел.

P. S. Если кто-нибудь к нам соберется, попроси его с собой «Беломора» взять несколько пачек. Может, найдемся...

Саньч. Не долетит.

Сергеа. Дорогой товарищ Главный! Пишу тебе, потому что тут письмо передать можно, а мне писать-то некому. Поэтому пишу тебе, хотя Саньч говорит, что не дойдет. Извини, что называю тебя не по должности, но уж больно гадким словом тебя на Свободе называют. Очень на слово «презирвувтив» похоже. Ну, однокоренные слова, в общем. Пишу тебе, потому что мне про тебя только очень тревожные какие-то вещи рассказывают. Говорят, ты какие-то глупости постоянно делаешь. Я так не считаю, но тут мужики гутарили – и что-то у вас там не так. Многого я, конечно, не понял. Но страшно почему-то стало. Не об этом думать надо, дорогой товарищ Главный. А ты о какой-то фигне думаешь, товарищ Главный. Вот Тоху, это товарищ мой, например, на войне убило. Вот это почему, я, например, не понимаю совсем. Почему убило, в смысле. А значит, дурак ты просто какой-то, товарищ Главный. Тупой или просто глупый. Извини, более грубых слов я просто не знаю, хотя, наверное, они есть. Да и злиться я, в принципе, не умею, так как я – ангел. В общем, я про твои дела понимаю отдаленно, но Тоха-то тут при чем? Тебе нравится – ты иди и воюй. А Тоха тут ни при чем. Хотя ему, наверное, уже все равно. Потому что он уже на Свободу никогда не вернется. А ты, товарищ Главный, – человек пока что свободный. К нам попадешь – тебе тут много выговорят.

Удачи.

Всегда твой.

Сергей, ангел.

Тоха. А он не обидится?

Сергеа. Не должен, наверное. Это же просто здоровая критика.

Тоха. Вообще-то правильно ты его приложил, Сергеа.

Саньч. Не дойдут письма ваши, точно знаю.

Маруся. Мужчины, я тоже письмо написала.

Сергеа. Прочитаешь?

Маруся. Прочитаю. (*Разворачивает листочек.*) Ну, только вы не смейтесь, хорошо? Если будете смеяться, я обижусь и читать больше не буду.

Сергеа. За Тоху, Васю и особенно за Саныча не отвечаю, а сам смеяться не буду точно.

Маруся. Тогда прочитаю. «Добрый день, дорогой незнакомый мужчина! Пишет тебе Маруся. Если мое письмо попало к тебе, то, значит, почтальон долетел до Свободы, нашел тебя и отдал тебе это письмо, хотя Саныч говорит, что не дойдет. Я не знаю, кто ты, как тебя зовут, очень надеюсь, что ты не папуас какой-нибудь, который это письмо даже прочитать не сможет. Если не сможешь прочитать, тогда отдай это письмо кому-нибудь, кто умеет читать.

Меня зовут Маруся, молодая девушка неопределенного возраста. Я очень хотела бы познакомиться с тобой, завязать какую-нибудь переписку. Может, даже я в тебя влюблюсь. Хотя, правда, мы с тобой не увидимся никогда, если ты – папуас. А так – можно греть слабую надежду, что какие-то вещи произойдут.

О себе: очень хорошо готовлю. Красивая. По крайней мере, гораздо краше Саныча, это совершенно точно. Люблю петь и стирать. Но если что, то всему могу научиться...

Саныч демонстративно ржет.

Ну все, дальше не буду... Там дальше про то, что неизвестно как называется, а мужчинам этого точно не понять.

Сергеа. Дочитай, Маруся...

Тоха. Ох, и вредный ты, Саныч!

Вася. А что это такое – «то, что неизвестно как называется»?

Маруся. Мне Тетя Таня все про это рассказала. Это то же самое, что любить Ленина, только немного больше.

Мужики (кроме Саныча, который вообще обалдел) смеются.

Да ну вас!

Убегает. Входит Тетя Таня.

Тетя Таня. Вы что девку смущаете?

Саныч. Ты что девке этой наговорила про Ленина какого-то?

Тетя Таня. Не ваше мужское дело. Послушайте лучше. Я письмо написала.

Саныч. И ты туда же? Не дойдет. Точно.

Тетя Таня. Да ты что? А я в стихах. В стихах, может быть, дойдет...

Тоха. Прочитай, Тетя Таня...

Тетя Таня. Теперь стесняюсь. Вдруг не дойдет...

Серегга. Саныч, выйди!

Саныч. Что?

Тоха. Большинством голосов просим тебя выйти. Даже Вася «за», хотя он молчит.

Саныч, бормоча что-то сердитое под нос, выходит.

Тоха. Читай, Тетя Таня!

Тетя Таня. Дорогой товарищ Бог!

Ты помог бы, если смог.

... Ну вот тут про Саныча еще припишу...

Дорогой товарищ Бог!

Ты помог бы, если смог.

Я пишу тебе из рая,

Ничего не понимая,
Ты б приехал на денек,
Да помог бы нам, чем мог.
Рассказал бы нам причину
Нашей грусти и кручины.
Мы мечтаем о Свободе,
Неба тайном небосводе.
Мы хотим понять, зачем
Очень грустно нам тут всем.
Помоги нам, добрый Бог,
Приготовлю я пирог.
Сядем вместе, выпьем чаю,
По Свободе мы скучаем.
Жду тебя в гостях у нас
В день любой, и в каждый час.
Без тебя – одни страдания.
Баба-ангел. Тетя Таня.

Пауза.

Сергеа. Очень хорошее письмо. Душевное.

Тоха. Тетя Таня, а Бог разве на Свободе живет?

Тетя Таня. Конечно на Свободе, где же ему еще жить?
Бог живет там, где хорошо.

Вася. А я вот что думал... Вот смотрите – например, мы жили на Свободе. И знали, что Бог – он где-то там, наверху. А сейчас здесь. И небо тут тоже есть. Может, Бог еще выше?

Сергеа. С ума сошел? Куда выше-то?

Вася. Нет, ну, может, здесь тоже жизнь заканчивается?

Тетя Таня. Не заканчивается. Ох, не заканчивается.

Вася. Я Свободу постоянно вспоминаю, хорошо там было. Все мечтаю – как бы хоть посмотреть... Хоть взглянуть, как там...

Сергеа. Так это очень просто. Только не нужно.

Вася. Это как?

Сергея. Да каждый ангел может Свободу увидеть. Только не нужно это. Больно это. Видеть – видишь. Все сразу видишь, а прикоснуться не можешь.

Вася. Не будет мне больно. Обещаю. Сергей, расскажи как, а?

Тетя Таня. Вась, не надо, а? Сергей, не рассказывай.

Тоха. А чем он хуже нас? Все же пробовали, что скрывать-то.

Тетя Таня. Ай, делайте что хотите!

Сергея. Смотри, Вась. Закрываешь глаза и очень-очень сильно хочешь на Свободу. Изю всех сил хочешь...

Вася. Не говори больше, я все понял. *(Закрывает глаза. Некоторое время молчит.)* Ничего не вижу.

Тоха. Оно и к лучшему.

Сергея. Значит, не сильно хочешь. Давайте чай пить.

Вася. Нет, подожди! Я сейчас сильнее захочу увидеть.

Закрывает глаза. Долго молчит.

Тетя Таня. Вроде, получилось. А я так надеялась, что не получится...

Входит Саныч.

Саныч. Вы что делаете, а? Вы что? Зачем...

Тоха. Ну, рано или поздно все об этом узнают, Саныч...

Сергея. Ты ж меня сам учил, Саныч.

Вася открывает глаза.

Тетя Таня. Вась, скажи что-нибудь.

Вася. Я видел. Снова ее видел. Там, знаете, там осень сейчас. Там под дождем с зонтом идешь. Там серое небо,

и дождь такой моросит не противный. И асфальт черный весь. И шумит что-то. Там камни мокрые. Там запах другой. И по улице – идут, идут. Каждый по-своему идет. В голове у всех мысли разные крутятся. Телефоны звонят, трубки плачут, звонки смеются. Велосипед – это, помните, как на велосипеде поездить... Там корабли плавают. Там море шумит. И рыбы в воде плещутся. Киты плавают и пускают фонтаны. Это, знаешь, как на берегу посидеть, на камне... Это все. Ничего не надо больше. Там в стекольных мастерских стекольщики зеркала режут и на фабриках бутылки из стекла выдувают. И троллейбусы с усами ходят в парк по ночному городу.

Тоха. А дома-то был?

Вася. Был. Хорошо там все. Сашка моя замуж вышла, ребенку у нее уже года два. Муж – хороший парень. Работает, семью обеспечивает. Обо мне уже не помнит ничего. Мама умерла, когда узнала, что меня убили. Папа на пенсию вышел, трудно, но ничего, вроде держится. Для него Сашкин пацан – вроде внука. Хорошо там все. Очень хорошо. Я пойду, воздухом подышу, хорошо?

Выходит. Все молчат.

Саныч. А я письмо написал...

Тоха. Прочитаешь?

Саныч. Оно очень короткое. Вот. «Дорогой почтальон! Доставь все эти письма, пожалуйста. Или хотя бы обмани, что доставил. Всегда твой. Саныч».

Тетя Таня. Думаешь, не дойдут?

Саныч. Точно не дойдут. Это на моем веку почтальон двадцатый. Возвращались потом они и раздавали эти письма тем, кто их написал. А если этот не вернется, вы хотя бы знать не будете, дошли они или нет.

Входит Маруся.

Маруся. Там... Вася повесился. Это он... зачем?

Пауза.

Тоха. Мне плакать хочется. Первый раз с девяти лет.

Тетя Таня. Не получится. Ангелы плакать не умеют.

Саньч. А? (*Сереге.*) Да погоди, куда побежал? Дело сделано. Щас посидим, помолчим, пойдем снимать...

Второе действие

ДОМ

Саньч. Сколько я тебе говорил – ангелы мы! Не люди, а ангелы! Ангел умереть не может. Повеситься – не может. Утопиться – не может. Зарезаться – тем более. Не умирают ангелы. Не получается. Многие пробовали. Я сам даже пробовал два раза. Не получается!..

Вася. Саньч, ну хватит уже...

Саньч. Погоди, я еще не закончил. Ты вот что думаешь – что вот так прямо нам всем в радость тебя было из веревки этой выпутывать? Ладно бы дал выпутаться нормально. Так нет ведь – кричать начал, мол, дайте еще повисеть, тогда я, наверное, точно задохнусь... Эх ты, птенец! Летун неоперившийся!

Вася. Саньч, я больше не буду...

Саньч. Ну, Свобода, ну да, там лучше было – и что? Сюда поселили – радоваться надо. Нет, находятся такие, как ты: Свободу увидел – и в петлю! У нас был один совсем упертый, как ты прямо, – голодовку объявил. Сухую.

Вася. Сколько продержался?

Саныч. До сих пор держится. И хоть бы хны. Худой, непонятно в чем душа держится, но ходит. Мрачный и голодный. На мозги капает. И уверен ведь, оболтус, что рано или поздно Богу душу отдаст. Но понять, что он ее уже Богу отдал, а Бога нет, скорей всего, не хочет... Против кого объявил, для кого, кто это видит?.. Так, стоп! Вернемся к тебе.

Вася. Не надо...

Саныч. Как это – не надо? Очень даже надо. Вот ответь мне – будешь еще такие глупости делать?

Вася. Не знаю...

Саныч. А должен знать, что не будешь! Продолжим разъяснительную работу...

Вася. Саныч, не буду я больше.

Саныч. Обещаешь?

Вася. Обещаю. Честное слово. Саныч, ты мне только одно скажи – что делать-то?

Саныч. Не знаю. Знал бы – сам здесь не сидел. На Свободе где-нить на Байкале сейчас сидел бы и самогонку пил.

Вася. Так как выбраться отсюда? Что дальше, Саныч?

Саныч. Ничего. Ничего нет дальше. Вон, у буддистов только получается иногда каким-нибудь одуванчиком переродиться, но это они так говорят. А проверить их – фиг проверишь. И вообще неизвестно, где этот одуванчик. И есть ли он... Был давно, очень давно, ангел один. Он восстание тут устроил. Материться всех научил. Дома жег, леса палил. Так, говорят, его за это отсюда убрали куда-то.

Вася. Кто убрал?

Саныч. А я, думаешь, знаю? Нет, Вась, ты забудь это все. Летать научись для начала, а там уже привыкнешь. Мы же привыкли.

Вася. Знаешь, Саныч, я почему-то часто про тех ангелов в космосе думаю. Они мне даже в снах снятся. Большой черный космос, а они летят. Летят куда-то по звездам. Метеориты мимо них пролетают. А они летят. Устали ужасно. Но летят. Гуманоиды на них из иллюминаторов смотрят, радуются... А эти на астероидах остановки делают. Молчат, все уже переговорили. Иногда только песню какую-нибудь затают. И она по всему космосу разносится...

Саныч. Да, я тоже их часто вспоминаю. Только не долетели они, уверен... В общем, Вася, мне слетать тут надо кой-куда. Очень прошу, не делай тут без меня ничего. Если еще на какие-нибудь такие же глупости потянет.

Вася. Да не потянет, Саныч, обещаю.

Саныч. Верю. Летать научись уже наконец, а то совсем неприлично получается.

ВЕЧЕР

Вечер. Дома. Все сидят за чаем. Только Саныча нету. Грустный Вася играет на гитаре «Облака, белогривые лошадки...»

Тоха. Хорошая погода была сегодня.

Пауза.

Погода была летняя, хорошая, говорю.

Пауза.

Вы чего молчите, давайте поговорим, говорю.

Тетя Таня. Тош, да о чем говорить-то, переговорено все уже.

Тоха. Ну не знаю я о чем, давайте придумаем что-нибудь, обидно же время терять.

Сергеа. Да много его, времени-то. Теряй, не хочу.

Тоха. Ну давайте время убьем.

Маруся. Окститесь, Антон. Ангелы никого не убивают.

Тоха. Да это просто выражение такое – «убить время». Я ж не предлагаю никого убить, хотя меня самого убили. Курить очень любил.

Сергеа. Да знаем. Дурак, еще раз говорю.

Маруся. Сергеа, а как ты сюда попал?

Сергеа. Глупо получилось. На стройке работал. Коммунизм строил. От коммунизма плита отломалась и на голову мне упала. Убило почти сразу, хотя я в каске был.

Маруся. Больно было?

Сергеа. Не помню.

Маруся. А я помню. Мне очень больно было.

Тетя Таня. А я от холода умерла, мне почти не больно было. У нас в Ленинграде тогда не топили совсем, и трубы все полопались. Я сначала книжками печку топила, а потом книжки закончились, и стало очень холодно. Я на кладбище пошла и там совсем замерзла, чтобы никто не видел.

Тоха. Чего не видел?

Тетя Таня. Как я умираю. Страшно очень было. Боялась.

Тоха. Чего боялась?

Тетя Таня. Смерти, а ты как думал? Жалко, могилки не осталось, но там дом потом построили, на этом месте. Теперь этот дом вроде как моя могилка. Люди живут, детишки бегают.

Сергеа. А мою могилу экскаватором зарыли. Потому что никто ко мне не ходил. Кого-то теперь поверх меня похоронили.

Тоха. Нет, а моя еще целая вроде.

Маруся. А меня так и не похоронили. Жених мой меня в лес уволок. Не нашли меня.

Пауза. Все смотрят на Васю.

Тоха (осторожно). Вась, расскажи, а?

Вася. Нечего рассказывать.

Маруся. Да что вы к человеку привязались-то? Раз не хочет, так пусть не говорит. Может, история у него очень личная. Может, даже про любовь. Да, Вась?

Тоха. Нет, наверное, на войне.

Серег. Совсем, что ли? Вася не как ты, не дурак то есть, Вася на войну не пойдет. Думаю, что несчастный случай.

Тетя Таня. Но зато точно, что не в блокаду.

Вася. Тоха правильно говорит. На войне.

Серег. Вот, еще один дурак.

Тоха. Слушай, так вот почему я тебя видел где-то! Мы ж с тобой воевали вместе, наверное! А как убило?

Вася. Артподготовка.

Тоха. Только где же я тебя видел? (Пауза.) Марья Ивановна, чаю налей.

Вася. Тоха, не надо. Что ты так смотришь?

Тоха. Да ладно. Ничего такого. Я вспомнил просто.

Вася. Я случайно.

Тоха. Как же ты здесь оказался-то?

Вася. Сам не знаю, Тох...

Тетя Таня. Ребят, вы о чем?

Тоха. Мы знакомы с ним просто, тетя Таня.

Вася. Случайно получилось. В детстве в тир ходить любил. Когда в школе на стрельбище водили, я девяносто четыре очка вышиб. В военкомат бумаги из школы направляли, мне военрук наш школьный в характеристике написал, что стреляю хорошо. Ну и меня к стрелковому приписали.

Я ж не знал, что когда в стрелковый берут, обязательно по людям стрелять придется. Ну и, когда отправили, нас сразу на объект какой-то кинули, мы по дороге под обстрел попали, те, кого не убило, обратно пошли. Темно, с дороги сбились, и вышли неизвестно куда. А беспокойно было, стреляют всюду. Меня разведать послали. И я ползу – не видно ничего. И вдруг в темноте огонек. Страшно стало. Почему – не знаю. Очень страшно. Я винтовку навел и в огонек выстрелил. И пополз обратно. Ну, честное слово, я ж не знал, что это Тохин огонек был.

Маруся. Быть такого не может.

Пауза.

Вася. Мы в обратную сторону поползли, прямо на минное поле попали. То ли на наше, то ли на чужое. Нас оттуда очень мало выползло.

Пауза.

А меня только через два месяца после этого убили. Мы тогда в подвал не успели уйти, и нас накрыло.

Сергея. А снайперов в рай берут?

Вася. Выходит, что берут. Почему я здесь, до сих пор не пойму. Тох, я бы тебе сразу сказал, уверен просто не был.

Тоха. Да ладно тебе, Вась, что ты расстраиваешься-то? Не злюсь. Ангелы ж не злятся. Что ж ты молчал-то? С самого начала сказал бы, я б не гадал, где тебя видел.

Вася. Да я сам только сейчас понял.

Тетя Таня. Вась, так, может, это не ты?

Вася. Не могут два человека одновременно ошибиться.

Маруся. Вась, только вешаться не надо.

Вася. Не буду. Я Санычу обещал.

Сергеа. Топиться тоже не стоит. Насморк можешь подхватить. Зима все-таки.

Тоха. Здравсьте. Так на реке не утопиться. Лед не прорубить.

Сергеа. Ну, Вася точно не прорубит.

Тоха. Ну а в колодце топиться – это просто нехорошо. Доставать еще потом.

Тетя Таня. Да, Вась, не топись, пожалуйста, в колодце. Воспаление легких обеспечено.

Маруся. Да не будет он топиться. Вась, ты же топиться не будешь?

Тоха. Да, Вась, не топись. У меня урожай на подходе.

Тетя Таня. Какой урожай?

Тоха. Сельдерей. Вась, ну все же в порядке.

Сергеа. Вот, видите, уже смеется почти что.

Маруся. Вася, ты, когда улыбаешься... ты такой красивый...

ПОЛЕ

Сергеа. Саныч сказал: «Сергеа, научи», – Сергеа научит. Хотя уже не знаю. Сомневаюсь сильно. Не сомневаюсь, говорю. Ну давай. Начни уже как-нибудь. Ну как-то, я уже не знаю как. Может, он дефективный, а? Рожденный ползать летать не может... Чего говорю? Да нормально все, говорю. В мои времена песня была про стальные руки-крылья. И вместо сердца – пламенный мотор. Все выше, и выше, и выше... Верь в себя. У тебя все получится. Может быть. А может и не быть. Ну, вздохни, например.

Них... не может быть, в смысле... А-а-а-а! Молодец, говорю! Ура! Да, хорошо полетел! Саныч сказал: «Сергеа, научи», – Сергеа научил. Научил Сергеа, говорю! Эх, радость-то какая! Наконец-то!

Давай, спускайся, пойдём всех радовать. Не, я летать сегодня не могу – правое крыло вчера потянул. Спускайся скорее!

Чего? Спуститься как? Ну, так же, как и летать. Взлетел – и теперь точно так же, только спускаешься. Что? Страшно? Не понимаю. А летать – тоже страшно? Тоже? Не понимаю. Как же ты тогда летаешь? Летаешь, потому что спускаться страшно?

Пауза.

Так, черной молнии подобный, спускайся, давай. Ну как? Ну не знаю я как! Ну ты летать научился? Научился. А теперь спускаться научись. Высоты боишься? Ох ты, что ж за наказание-то... Даже если упадешь, тебе ничего не будет! Ты же вешался уже, так что, ты теперь упасть боишься? Ну что ж такое, я не понимаю, что ж за ученик-то попался! На кого мне тебя подбросили вообще?! Тоха! Тоха!

Прилетает Тоха.

Тоха. Ох ты! Полетел! Ни фига себе! Вася, поздравляю! Серега, дай пожму твою руку.

Серега. Спустить его надо.

Тоха. Так он же летает. Пусть летает себе.

Серега. Он не потому летает, что ему нравится. Ему летать не нравится. Он спускаться боится.

Тоха. Ну и пусть себе летает. Когда-нибудь спустится точно. У меня новости.

Серега. Парник?

Тоха. Он самый.

Серега. Пошли. Да не бросаем мы тебя! Научился – совершенствуйся в навыках. Не по-товарищески? Тоха, ну ты прикинь, а?

Тоха. Вообще-то, он прав. Совсем не по-товарищески.

Сергеа. Значит, так. Сейчас подлетаем к нему. Ты хватаешь его за голову. Я – за ноги. И приземляем его.

Тоха. А если сопротивляться будет?

Сергеа. Ушанку ему на глаза надвинь. И вниз его тяни, вниз...

Тоха. Вася, ты только не очень сильно сопротивляйся, хорошо? Мы по-товарищески!

Сергеа. Вперед!

Тоха. Ура!

Улетают.

КУХНЯ

Маруся. Я решила в кого-нибудь влюбиться.

Тетя Таня. Ангелы не влюбляются. Дай скалку. Раскалывать пора.

Маруся. Вот-вот. Несправедливость страшная. Почему всем можно, а нам нельзя?

Тетя Таня. Не знаю. Я об этом как-то не думала. Муки насыпь на стол.

Маруся. А я об этом все время думаю. Я на Свободе даже поцеловаться ни с кем не успела. Это честно разве?!

Тетя Таня *(чихает)*. Нечестно. Неси тесто.

Маруся. Тетя Таня, а как это – любить?

Тетя Таня. Ну... эх, я уж и не помню.

Маруся. Ну, вот влюбляются люди, например... Не в Ленина, ну, по-другому, по неизвестно как называется. И что дальше?

Тетя Таня *(чихает)*. Ну, женятся...

Маруся. А потом?

Тетя Таня. А потом детишек рожают. Тесто носи.

Маруся. А потом?

Тетя Таня (чихает). А потом умирают.

Маруся. Вместе?

Тетя Таня. Да нет, по отдельности. Маруся, неси уже тесто.

Маруся. Не понимаю. А зачем тогда они вместе влюбляются, если им все равно умирать отдельно приходится?

Тетя Таня (чихает). Ну... чтобы верить в то, что они тут увидятся...

Маруся. Так они же не видятся.

Тетя Таня. Зато верят. Маруся, тесто неси, к ужину не успеем.

Маруся. Тетя Таня, я тебя про любовь спрашиваю, а ты мне про тесто все время.

Тетя Таня. Про любовь еще успеешь спросить. А вот тесто вытечь может. Оно же поднялось.

Маруся. Вот всегда так. Как про любовь речь заходит, так вы все вечно какие-то дела находите.

Тетя Таня. Дел всегда много.

Маруся. А любовь?

Тетя Таня. Мария! Значит, так. Любовь – это и есть дела. Любовь – она просто так не лежит. Вот мы сейчас пирог сделаем мужчинам, значит – мы их любим. Любовь, если ее не подогревать, она испортиться может. Растаять. Чтобы любовь была, надо что-то делать. Действовать как-то надо. Тесто, например, принеси. Тесто вылезет – любви никакой не будет. А будет пирог – любовь будет.

Маруся. Какая любовь? С пирогами же не целуются.

Тетя Таня. Маруся! Я тебе о другой любви говорю! Я тебе говорю про любовь вообще. Сделаем пирог – в мире любви прибавится!

Маруся. К пирогу?

Тетя Таня. Нет, к Ленину. Неси тесто!

Маруся. Тетя Таня, ты меня совсем запутала. Смотри, получается, что любовь делится на любовь вообще, любовь к Ленину и любовь к пирогу. А где же здесь мужчина?

Тетя Таня. Какой мужчина?

Маруся. Ну, обычный мужчина.

Тетя Таня. Мужчины – это на Свободе. Тут мужчин нет. Тут – ангелы сплошные.

Маруся. А женщины есть? Я же женщина.

Тетя Таня. Нет, ты тоже ангел.

Маруся. Но женщина. Наверное. Не мужчина же точно.

Тетя Таня. Не мужчина.

Маруся. Вот, понимаешь, значит, я, наверное, женщина, ты, наверное, тоже. Значит, где-то должны быть мужчины. Вот Саныч, например, он – мужчина?

Тетя Таня. Да какой он мужчина... Говорить только умеет...

Маруся. А Серега, Тоха?

Тетя Таня. Лодыри они, а не мужчины. Саныч улетел – совсем работать перестали. Прилетит Саныч – пожалуюсь...

Маруся. А Вася?

Тетя Таня. Ну... Вася, он немного, конечно, мужчина. Потому что мучается немного все время. А мужчина должен мучиться обязательно. Если мужчина не мучается, значит, он не мужчина. Правда, он не из-за женщины мучается, но это только потому, что здесь женщин нет. Была бы женщина, он бы, может, из-за женщины мучился. Но так как женщин нет, да и он – ангел, а не мужчина, то, получается, что мужчин здесь вообще нет и быть не может.

Маруся. Так где же тогда мужчины?

Тетя Таня. Нет мужчин. И пирога нет. Ничего нет, вообще.

Маруся. Тетя Таня, давай я тесто принесу.

Тетя Таня. Неси, что уж делать.

Маруся. Сделаем пирог и прибавим в мире любви.

Тетя Таня. Наверное. Хотя тогда кому эта любовь нужна? Женщин нет, мужчин тоже, ангелы все. А ангелы и так добрые. То есть любовь эта вообще никуда не девается. Остается где-то здесь. Но жить, то есть не жить, то есть жить, но в раю. И не умирать. А для чего эта любовь вообще? Пироги эти зачем? Куда эта любовь девается тогда?

Маруся. Тетя Таня, я тесто принесла. Оно совсем недалеко от кастрюли убежало.

Тетя Таня. А? Ах да, тесто... Пирог, то есть.

Маруся. Пирог с любовью сделаем, тетя Таня.

Обе смеются.

ОБЛАКА

Тоха. Хорошая. Радует.

Серегга. Не вставляет.

Вася. А это что такое было?

Пауза.

Серегга. Хорошая. Радует.

Тоха. Не вставляет.

Вася. А что это такое было?

Пауза.

Вася. А что это такое было?

Тоха. Не вставляет.

Серегга. Хорошая. Радует.

Пауза.

Вася. Хорошая. А что это такое было?

Тоха. Хорошая. Не вставляет.

Сергеа. Хорошая. Радует.

Пауза.

Тоха. Не вставляет.

Вася. Хорошая. А что это такое было?

Сергеа. Очень хорошая. Очень радует.

Пауза.

Тоха. Не вставляет.

Вася. Не вставляет. А что это такое было?

Сергеа молчит.

Пауза.

Сергеа. Не вставляет.

Тоха. Не вставляет.

Вася. Не вставляет.

Пауза.

Сергеа. А что это такое было?

Вася. А что это такое было?

Тоха. Не вставляет.

Пауза.

Тоха. А что это такое было?

Вася. А что это такое было?

Сергеа. А что это такое было?

Пауза.

Вася. Хорошая. Радует.

Сергея. Радует. Хорошая.

Тоха. Очень хорошая. Очень радует.

Пауза.

Вася. А что это такое было?

ГДЕ-ТО

Саньч. Я поговорить пришел. Давно не был, ты уж извини. Знаешь, жизнь как-то быстрее стала идти. Как там, на Свободе, сначала живешь медленно, а потом, с возрастом, все быстрее и быстрее. Старый я уже стал какой-то. Как будто чем дольше живешь... ну... или не живешь, тем умнее становишься. И от знания этого стареешь. Очень трудно жить с ощущением, что все закончилось. И не будет больше ничего. Очень трудно жить с ощущением, что все прожито и больше ничего не будет. Очень трудно ждать чего-то из ниоткуда. Очень трудно жить в никуда. Наверное, это только мы думаем, что мы – ангелы. На самом деле мы не в раю ни фига. Это нам так только сказали. Вернее, даже не сказали. Потому что это мы сами же и придумали, что это рай.

И, ты знаешь, я очень рад, что я в тебя не верю. Хотя я с тобой и разговариваю. Потому что ты нас забыл. Надоели мы тебе. Да и нет тебя вообще, скорей всего. Но почему я тогда с тобой разговариваю?

Пауза.

Мы же все неплохие. Мы же все почти хорошие. Мы просто живем плохо. Иногда неправильно.

НОЧЬ

Маруся. Вась, а можно тебя об одной вещи спросить?

Вася. Ну, что еще?

Маруся. Вась, а ты на Свободе с девушками как знакомился?

Вася. Я не знакомился. Они сами со мной знакомились.

Маруся. А как это происходит?

Вася. Что?

Маруся. Ну, знакомство...

Вася. Ну, не знаю. Есть всякие приметы...

Маруся. Что за приметы?

Вася. Ну, сначала девушка тебе строит глазки, если ты ей понравился.

Маруся. Строит глазки? Ужас какой... Это как?

Вася. Ну, примерно вот так (*показывает*).

Маруся. Ничего себе! А потом?

Вася. Ну, потом, когда она с тобой разговаривает, то дышать по-другому начинает. Глубоко, вот так (*показывает*). И подмигивает.

Маруся. А что это значит?

Вася. Ну, это значит, что ты ей понравился.

Маруся. А дальше что?

Вася. Ну, дальше она говорит тебе «Проводи меня...»

Маруся. Куда?

Вася. Ну, домой, например...

Маруся. Это еще зачем?

Вася. Ну... тут два варианта... либо она тебе говорит у парадного – «Позвони мне завтра» и ты после этого весь такой счастливый идешь, либо она тебя целует и говорит

«Зайдем ко мне». Второй вариант, конечно, лучше. Есть еще третий вариант, грустный, но про него не буду.

Маруся. Второй вариант почему лучше?

Вася. Ну как... Значит, у нее дома никого нет. Значит, зайти можно.

Маруся. Зачем?

Вася. Ну... просто... ну... как... а ты не знаешь, что ли?

Маруся. Ничего не знаю.

Вася. Ну... там это, поговорить...

Маруся. А потом?

Вася. Ну...

Маруся. Вася, по-моему, ты чего-то недоговариваешь...

Вася. Ну, да все я договариваю! Зовет она тебя в гости, а потом утром ты от нее уходишь. Она тебя целует. Ну и ты идешь...

Маруся (*строит глазки*). Ага, спасибо.

Вася. Ты что делаешь?

Маруся (*начинает дышать*). Знакомлюсь.

Вася. А что так пыхтишь-то?

Маруся. Я не пыхчу. Я дышу по-другому. (*Пауза.*) А, совсем забыла! Проводи меня. (*Подмигивает.*)

Вася. Куда? Мы и так дома.

Маруся. Вася, я не знаю, ты меня сам научил, поэтому сам и говори, куда провожать.

Вася. До дома провожать надо. В доме-то куда провожать?

Маруся. То есть мы уже дома. Что делать, если мы дома?

Вася. Ничего не надо делать.

Маруся. А я прямо чувствую, что что-то надо делать, но что – пока не могу понять.

Вася. Да не надо ничего делать.

Маруся. Но я же чувствую, значит – надо.

Поцелуй.

Маруся. Это не потому, что ты немножко больше муж-чина, чем Ленин.

Вася. Ангелы же не целуются.

Маруся. Значит – мы не ангелы. В комнату ко мне пойдём.

Вася. Ангелы вместе не спят.

Маруся. Это потому что никто не пробовал.

Вася. Как?

Маруся. А мы придумаем.

Вася. Ты же меня не любишь.

Маруся. Я всех люблю. Но ведь даже если всех любишь, надо научиться любить кого-то больше, чем всех.

Вася. А почему меня?

Маруся. А я откуда знаю?

УТРО

Серегга. Саныч, ты вернулся? А я тебя и не заметил.

Саныч. А на что мне вас будить? Утром лучше всего спится.

Серегга. Саныч вернулся! Тоха! Маруся! Тетя Таня! Вася! Просыпайтесь, тетери сонные! Саныч, у нас тут столько всего было! Ой... Васю летать научили. Приземляется, правда, пока плохо, вернее никак не приземляется, потому что он теперь вообще летать боится. А еще...

Тоха. Саныч! Саныч! Здравствуй, Саныч! Доброе утро, Саныч!

Саныч. На, держи. От индейцев. И семена еще.

Тоха. Табачок! Ох, спасибо, Саныч! Я теперь, пожалуй, табачную плантацию заделаю! Заживем!

Сергеа. Много ли для счастья надо.

Тетя Таня. Саныч, здравствуй! Чего-то ты быстро обернулся.

Саныч. На, Тань, платок тебе пуховый. Твой изодрался весь. А вот этот – Марусе.

Тетя Таня. Маруська, девка несмышленная, иди сюда, подарки тут! Спасибо, Саныч.

Сергеа. А мне?

Саныч. А тебе не привез ничего. Тебе же ничего не нужно.

Сергеа. Верно говоришь, Саныч.

Саныч. Вася-то где?

Тоха. Должен был вон в том углу спать.

Тетя Таня. Маруська! Чего спишь, курица? (Уходит.)

Сергеа. Саныч, а снайперов в рай берут?

Саныч. С войны всех в рай берут. Даже этих японцев, ну, которые сами себя убивают... Я как-то раз встретил одного, он все время зарезаться пытался, если это его кодексу чести не соответствовало. Чуть что – нож хватает и в живот себе! А потом гордый ходит и прославляет Небесного Императора за подаренное бессмертие. Ну а вообще, признак такой – как у нас пополнение, значит – на Свободе война.

Тоха. Саныч, а ты где был?

Саныч. Ну, к индейцам заглянул. У индейцев хорошо – вигвамы стоят, дымятся. И вожди сидят у костров, курят и молчат. Табачку, вишь, взял.

Тоха. Очень хорошо.

Сергеа. Очень нравится.

Тоха. Табачок – это такая вещь, Саныч... Я тебя тоже попотчую.

Саныч. Чем это?

Тоха. Дурь лютую я вырастил.

Саныч. Дурь – это плохо.

Тоха. Но она же выросла. А если растет, значит можно, наверное.

Саньч. Ну как знаешь. Курить вредно вообще-то.

Тоха. Ангелам не вредно.

Входит Тетя Таня.

Тетя Таня. Маруся исчезла.

Серегга. Как исчезла?

Тоха. Странно, она же всегда дольше всех дрыхнет.

Тетя Таня. Там подушка примята на кровати, как будто двое спали.

Пауза.

Тоха. Это не я был. Честно.

Серегга. Да куда тебе.

Тетя Таня. И Васи нет.

Тоха. Куда ж они подевались?

Пауза.

Тетя Таня. Я, кажется, поняла.

Саньч. Я тоже понял.

Тоха. А куда они? А куда их?

Саньч. Если бы я знал...

Серегга. А я ее любил очень сильно, только сказать все время стеснялся.

Тоха. Слушай, так может, они сами?

Саньч. Может, и сами. Может, и не сами. Не знаю. Значит, не такой старый еще. Чего-то не знаю.

Тоха. Серегга, ты не грусти.

Серегга. Да я не грущу. Жалко просто – не увидимся больше.

Тоха. Саньч, а ты ж так и не увидел, как Вася летает.

Сергеа. Да смотреть, честно говоря, особо не на что было. Так, просто летал себе и летал.

Тоха. Но размах крыла был такой, нормальный. Свободный.

Сергеа. Да просто крылья у него на пару размеров больше, чем у меня, вот и размах.

Тоха. Ну не скажи. Саныч, ты помнишь, какие у Васи были крылья?

Тетя Таня. Саныч? Ты о чем сейчас думаешь? О Свободе?

Саныч. Нет, Тань, о любви к Ленину.

Тетя Таня. Саныч, хорошо все-таки, что ты вернулся.

Саныч. О космосе думаю. Я же тогда с тем астрономом полетел. Вернулся. Но это ладно.

Тетя Таня. Саныч, да я уверена, что скоро кого-нить еще к нам забросит.

Сергеа. Хорошо, что я у Васи аккорды переписал.

Тетя Таня. У нас же пирог с вечера остался! Совсем забыла!

Тоха. Очень вкусный пирог, Саныч.

Сергеа. Еще теплый, может быть.

Саныч. Пирог – это хорошо.

Тоха. Хорошо здесь. Тихо здесь.

Сергеа (берет гитару):

«Слышу голос из прекрасного далёка...»

ВСЕ

К прослушиванию рекомендуется:

Тишина: на Финском заливе (ныне покойном), набережной Макарова (после второй разводки Дворцового) и Марсовом поле (утром, с рассветом). Тишина на улице Ингорохуа (с безумными кошками), улице Плеханова (с памятником), проспекте Руставели (где нет светофо-

ров). Тишина на набережной Фонтанки (внизу, у воды), на Смоленском кладбище (у бабушки на могиле).

И немного The Cinematic Orchestra, Mum, Ника Кейва и Александра Пантыкина.

Все права на использование всей этой графомании принадлежат автору. Любое использование текста пьесы, полное и частичное, возможно только с письменного разрешения автора.

И еще: все посвящения должны сохраниться. Уверяю вас, это очень хорошие люди.